

Божий промысел. Церковные приюты зарабатывают на детях-сиротах

Монастырские приюты издавна считаются обителью всех, кто терпит бедствие. Дети, которых предали взрослые, не знают, где искать защиту. И монахи, посвятившие свою жизнь служению ближним, всегда приходили на помощь.

Много ли нужно ребенку? Каша, суп, яблочко, теплая постель да крепкие башмаки. Но это ведь не главное, хотя без супа и башмаков, понятно, не обойтись. А главное — чтобы не предавали. Чтобы было не страшно. Чтобы было где спрятаться и согреться. Но почему же все чаще предают и здесь? Под маской участия скрывается жестокий расчет, а иногда и откровенное воровство...

Есть такое понятие: вечные ценности. Звучит возвышенно, ласкает слух. К вечным ценностям принято относить семью, защиту Отечества, верность присяге... А у меня есть свое представление о вечных ценностях. Я пришла к выводу, что это — некая субстанция, приносящая прибыль. Потому и называется вечной, что пока она есть — есть и прибыль.

Лучший пример — дети, попавшие в беду.

Для начала несколько цифр.

В России 29 миллионов детей. Из них 720 тысяч детей, оставшихся без попечения родителей: 240 тысяч — в детских домах, остальные усыновлены или взяты под опеку.

А еще есть дети-бомжи. Сколько их, никто не знает. Имеются основания полагать, что детей без определенного места жительства в нашей стране приблизительно 1 миллион. Цифра сногшибательная, и на ее фоне как-то бледнеет главная диковина. А почему, собственно, нет исчерпывающей статистики?

Говорят, маленьких бомжей невозможно сосчитать. Ведь они не сидят на одном месте, отсюда и проблема. Смотри, как интересно... Если бы жители нашей бескрайней отчизны вели кочевой образ жизни, тогда понятно. Но ведь в наших городах и весях живут не в чумах, а в домах, дома стоят на улицах, и все это где надо записано, и все обитатели домов имеют собственные координаты: имя, фамилию, время и место рождения.

Во всех административных образованиях имеются данные о стариках, инвалидах, новорожденных. Ведь как-то мы сумели определить, что рождаемость у нас падает. И вдруг — прочерк: сколько новорожденных — знаем, сколько школьников — тоже знаем, а вот сложить и вычесть не можем. Если человек в сознании, ему невозможно объяснить, почему никак не удастся вычислить количество маленьких бомжей. И тогда следует логический вывод: есть причина, по которой никто не доводит дело до конца.

С одной стороны, все понятно. Если мы их сосчитаем, надо будет что-то с ними делать. Уже невозможно будет так громко рассуждать о любви к детям. Опять же прогрессивная общественность развитых стран вцепится нам в печень, и на всех представительных форумах нас станут допрашивать, что мы успели сделать для решения этой наиважнейшей задачи. Эта тема может потеснить даже Чечню. Надо нам это? Не надо.

Но есть и другая сторона. Забота о брошенных детях, вернее, то, что за нее выдают, — весьма прибыльное предприятие.

* * *

Я сижу в столовой приюта для несовершеннолетних при храме Святого Великомученика Никиты, расположенного в деревне Бывалино Павловопосадского района Московской области. Напротив — настоятель храма игумен Амвросий и директор приюта М.В.Борисова. Отец Амвросий очень насторожен, а

М.Борисова всем видом дает понять, что готова к обороне.

Приют, или социально-реабилитационный центр "Никита", образовался в 2004 году на основании протокола собрания прихода храма Святого Никиты. Центр нигде не зарегистрирован, однако жизнь в нем кипит, и даже очень. К примеру, в ноябре 2006 года Павловопосадская городская прокуратура провела проверку работы центра, и выяснилось много интересного. В момент проверки в центре находились 25 детей разного возраста и пола. Анна Останина, 1993 года рождения, — из Пермского края. По ее рассказу, мать бросила ее в Москве. Сергей Березин, 1997 года рождения, — из Павловского Посада, находится в центре по заявлению бабушки и дедушки, так как мать сильно пьет.

Ваня, Оля и Полина Гарманович (Ваня и Оля — дошкольники, а Полине 10 месяцев) находятся в центре по просьбе матери, которая не работает и якобы ухаживает за престарелой матерью.

Семилетняя жительница Павловского Посада Елена Лебедева также попала сюда по просьбе матери. Трехлетняя Даша и четырехлетний Саша Белоусовы живут здесь с матерью. 20-летняя Екатерина Авдоница — из Костромы, ей негде жить.

Несовершеннолетний Георгий Зорилов прописан в Москве, на Кленовом бульваре, однако, как следует из заявления бабушки-опекуна, она воспитывать Георгия не в состоянии, так как у нее на руках еще двое малолетних детей. А 15 детей разного возраста, вплоть до 4-месячного, находятся в приюте вместе со своими опекунами, которые являются работницами храма Святого Никиты.

Как следует из акта проверки, в приюте одна туалетная комната для всех детей, нет постоянного медицинского работника, а также грубо нарушены правила приготовления пищи, нет сертификатов качества продуктов, которыми кормят детей, не учтены нормы питания, отсутствуют медицинские документы детей и нет результатов обследования детей при поступлении в центр и так далее и так далее...

Мне только что показали детские спальни. Отличные светелки, но только девочкам всех возрастов — от детсадовского до юношеского — в случае нужды надо проходить через спальню мальчиков, тоже всех возрастов. Столовая, в которой мы беседуем, тоже имеет одну странную особенность: считай, посередине расположен туалет.

Однако до мелочей быта мы дойти не успели. Сначала настоятель храма отец Амвросий рассказал мне о том, кем был в миру (фельдшером), а потом я спросила о сотрудниках приюта (ни у кого нет педагогического образования). Мало-помалу дело дошло и до устава "негосударственного учреждения социального обслуживания "Детский корпус "Никита". Устав не зарегистрирован, как и сам приют, а меня в этом уставе, помимо прочего, заинтересовал один абзац на 16-й странице. Из него следует, что администрация и персонал учреждения "имеют право на управление имуществом воспитанников и совершение от имени воспитанников сделок с имуществом"...

Я поинтересовалась, что означает сей параграф. Игумен смотрит на директора. Ответ: это типовый устав — как у всех, так и у нас. Я повторяю вопрос. Мне говорят: если надо, вычеркнем.

Я забыла сказать, что в "Никиту" мы приехали вместе с сотрудниками областной и местной комиссии по делам несовершеннолетних. Потом в кабинете прокурора города Марины Фроловой у нас состоялись дебаты, как в английском парламенте, с переходом на личности.

Если в нескольких словах сформулировать эмоциональную речь сотрудника областной комиссии И.А.Соколовой, то слова будут такие: "Никита" — не худший вариант, все остальное не выдерживает критики, нарушения там есть, но надо "Никиту" поддержать. Сотрудник местной комиссии робко вторила коллеге.

— А вот не объясните ли, — я произнесла это нежно, как звучит арфа, — почему сотрудники приюта, являясь опекунами многих детей, проживают с ними в "Никите"?

— Имеют право. Они же опекуны и действуют в интересах ребенка.

Я пятнадцать раз переспросила, правильно ли поняла ответ. Когда выяснилось, что сомневаться не приходится, я заговорила громче обычного, и отвечали мне тоже не шепотом.

Какая прелесть, скажу я вам. Какая же это прелесть — борьба за защиту детей. Особенно лишенных попечения родителей. Дети себя защитить не могут, а взрослые — такие затейники. Часто их действия бывают похожи на произвольную программу фигуристов. Тройной тулуп по всем правилам, а потом пируэт,

сочиненный самим исполнителем. Поддержка по всем правилам, а потом — эффектный бросок через колено. Если не грохнешься — утонешь в аплодисментах.

Институт опеки, как и институт усыновления детей, является формой воспитания ребенка в семье — так по закону, и это главное. Суть вмешательства государства в судьбу брошенного ребенка — вернуть ребенка в семью. А если опекун проживает с ребенком в приюте, закон нарушается. При этом, однако, опекуны получают от государства деньги на содержание и уход за ребенком: москвичи — по 6 тысяч в месяц, а жители Московской области — по 4 тысячи. Если установить опеку над несколькими детьми, как это сделали сотрудники детского приюта "Никита", выходит кругленькая сумма. Надо думать, она попадает в общий котел. А почему? Ведь пособие на одного ребенка и без того крошечное. Если купить на эти деньги дешевую крупу и хлеб, денег хватит. А вот на фрукты ребенку — вряд ли...

И наконец: опекун, проживающий вместе с вверенным ему ребенком в приюте, как и любой опекун, имеет право распоряжаться жильем подопечного. Жилье ребенка можно сдать и можно продать. И выходит, что при определенных обстоятельствах опекунство превращается в чрезвычайно прибыльное мероприятие.

А что же прокуратура Павловского Посада? Кабинет прокурора города, считай, до потолка завален перепиской, касающейся детей, проживающих в "Никите". Что ни бумага, то история. Например, в начале января 2007 года прокурор Южного округа Москвы направил в Павловский Посад результаты проверки действий опекуна 10-летнего Георгия Зорилова. Выяснилось, что опекуном является бабушка, Е.А.Беклемешева, а местом проживания Георгия была определена квартира опекуна. Муж Беклемешевой тяжело болен, поэтому она вместе с Георгием и двумя несовершеннолетними сыновьями переехала в квартиру матери Георгия, лишенной родительских прав. В октябре минувшего года Е.А.Беклемешева обратилась с заявлением о временном определении Георгия в приют "Никита". А ведь опекун не имеет права перепоручать свои обязанности кому бы то ни было. И знает об этом.

* * *

В конце мая прошлого года настоятельница женского ставропигиального монастыря Святой Живоначальной Троицы (истинно-православная церковь) в деревне Острово Орехово-Зуевского района игуменья Серафима обратилась к главе муниципального округа с интересным письмом. В письме говорилось, что в монастырь на летний отдых прибыли восемь воспитанников Торжокской сельской специальной школы-интерната. Детей надо одеть, обуть и прокормить — не поможет ли глава администрации?

В монастырь выехала комиссия, которая установила, что "восемь психически больных детей доставлены в монастырь без сопровождения воспитателей и использовались для работ на скотном дворе, в птичнике и на строительстве навеса для сена. Также в монастыре проживает несовершеннолетняя Седенкова Екатерина 1992 года рождения, над которой установлена опека. Разрешения на проживание детей, оставшихся без попечения родителей, получено не было. За время нахождения несовершеннолетних в монастыре представители администрации школы-интерната их не навещали". Спустя несколько часов после визита комиссии детей из монастыря увезли "домой", в Торжок.

Погожим февральским днем мы с помощником прокурора Орехова-Зуева Л.Н.Бредневой и сотрудником детской комнаты милиции решили навестить в монастырь.

Издаലെка стены монастыря живо напомнили кремлевскую стену — такое же монументальное сооружение из красного и белого кирпича, только кирпич новенький — глаз не оторвать. Подходя к воротам богоспасаемого заведения, я удивилась: почему у входа в клетке корова? Отказалось, кавказская сторожевая.

Войдя на территорию, мы увидели троих молодых людей в одежде, которая сильно пахла отходами жизнедеятельности домашних животных. Мы спросили, кто они и откуда. Настоятельница, любезно проводившая нас в столовую, сказала, что, так как молодые люди — выпускники вспомогательного интерната, она может ответить на наши вопросы вместо них. Мы поблагодарили игуменью Серафиму и сказали, что хотели бы все же поговорить с молодыми людьми.

Алексей Дунаев, Джамал Иванов и Сергей Гаврилов, как выяснилось, давно проживают в монастыре. Откуда они узнали про монастырь? Ну как откуда? У них в школе все знают, что надо спастись в Острово, да и мать Нила приехала и все объяснила. Здесь у них все есть, все хорошо. Мы спросили, знают ли они, что после окончания интерната им положено жилье? Все трое засмеялись. Видимо, сочли вопрос за глупую шутку. А то, что им должны были дать какие-то деньги, одежду, имущество, необходимое на первый случай? Обхохочешься. Какие еще деньги?

Мы спросили, кто такая мать Нила? Ну как же, правая рука настоятельницы, сама родом из Торжка.

Потом мы попросили показать комнату, в которой живут Дунаев, Иванов и Гаврилов. На третьем этаже нам показали налево, но мы сперва заглянули в дверь направо. В большой комнате многоярусные полаты, забросанные тряпками: помещение для женщин. Судя по всему, здесь обитают человек двадцать, если не больше. В комнате налево уже сидели наши знакомые выпускники торжокской школы. Они хором сказали, что живут здесь втроем. Я спросила: чья одежда висит у входа? Все наше, сказали отроки. Видно, богатые женихи: на вешалке курток и ватников человек на двадцать. Похоже, проживают в монастыре никак не меньше пятидесяти человек. Кто они? Как попали в Острово?

Мы вышли на двор и залюбовались. Все постройки новые, добротные, возведены из дорогого кирпича. Слева — стадо домашней птицы, справа — новенькая машина, укрытая брезентом. Чья машина? Да вот, прихожанин подарил одному из молодых людей, с которыми мы только что беседовали. Вряд ли, конечно, психически больной человек сможет воспользоваться подарком, так ведь дорого внимание.

Я не удержалась и спросила игуменью Серафиму: откуда взялись деньги на возведение забора? Это крепостное сооружение наверняка стоит не меньше полумиллиона долларов. Игуменья ответила:

— Я молилась. Особенно помогает ночная молитва...

Не знаю, как насчет ночной молитвы, но, если квартиры выпускников Торжокского интерната для детей с отставанием в развитии достались не им, может, и станет понятно, откуда взялись деньги на возведение этого архитектурного шедевра. И не только этого.

* * *

А это письмо, написанное два месяца назад на имя прокурора Московской области жительницей поселка Пустошь Шатурского района Московской области:

"Прошу вас рассмотреть мое заявление по поводу нарушения законодательства при оформлении опеки моей племянницы Волковой Виктории Игоревны, 1994 г. рождения, по настоящее время прописанной в поселке Пустошь. Первоначально Вика находилась в приюте г. Радужный Владимирской области. Без оформления опеки директор приюта отдала Вику в семью священника отца Сергия из монастыря поселка Боголюбково. Вскоре после этого Вика попала в автокатастрофу с семьей священника. После аварии находилась на лечении в больнице, а опека была оформлена позже, без согласия родственников.

Отец Сергей прописан в Липецкой области. Его жилищные условия не позволяют Вике проживать в его семье. Квартира служебная, однокомнатная. В семье четверо — жена, отец Сергей, сын 17 лет и Вика. Вика с сыном спят на одной кровати.

Вика написала заявление в органы опеки с просьбой о том, что хочет проживать со мной. Ей не разрешают носить брюки, слушать музыку, смотреть фильмы. За непослушание ее наказывают физически, водят в церковь, заставляют соблюдать обряды, посты. Общаться со мной Вике не дают... Шамонина Н.И."

Комментарии излишни, правда?

* * *

Я могла бы написать еще много — внушительная стопка документов с каждым днем увеличивается, растут столбики фамилий, адресов. Но одной журналистикой тут уже не обойтись, пора вмешаться тем, кто может что-то изменить. Прокуратура Московской области даже при большом желании одна с этим валом не совладеет. Все "детские" учреждения должны подключиться к масштабной работе по проверке так называемых церковных приютов.

Почему так называемых? Да потому, что ничего общего с детскими воспитательными учреждениями эти приюты не имеют. Священнослужители стараются внушить мирянам, что на церковных и монастырских подворьях никакие светские законы и установления не действуют. Там орудуют злые чиновники, а здесь все в руках Господа. Господь все управит и без санитарных книжек, паспортов, сертификатов...

Церковный приют для детей может стать настоящим спасением, и часто так и случается. Но почему все же священнослужители почти демонстративно нарушают закон и это принимается как нечто само собой разумеющееся? Два года назад в "Никите" была эпидемия кишечных заболеваний, которая поразила и детей, и взрослых. Ясно, что это — следствие нарушения элементарных санитарно-гигиенических правил. За их

соблюдением должен следить не сонм ангелов, а СЭС. Разве сотрудники приюта "Никита" не знают о том, что дети, которых они взялись опекать, должны воспитываться дома? Знают. Однако все права опекаемых нарушены, и по случайному стечению обстоятельств эти нарушения идут на пользу приюту.

О том, что в монастыре Святой Живоначальной Троицы находятся дети из вспомогательного интерната, узнали случайно: если бы игуменья не попросила денег у местной администрации, они бы там находились и по сей день. А ведь мы и сейчас не знаем, кто там находится. Может, дети из торжокской школы, может, другие дети или взрослые, но беспомощные люди...

Московская областная прокуратура направила запрос в Торжок по поводу работы вспомогательного интерната, выпускники которого находятся в Островском монастыре, — но опять же: сколько таких интернатов, сколько детей, какова их судьба — все тонет во мраке.

Виктория Волкова в один прекрасный день фактически насильно стала "членом семьи" священника Сергея Голышкина. Это происходит на глазах у всех. Значит, так надо? И брошенные дети нужны как надежный источник дохода?

Госпожнадзор и СЭС представили список нарушений, зафиксированных в приюте "Никита", устранить их не сложно. Ну, перенесут туалет куда положено, переселят детей из пожароопасной мансарды в пристройку, но дело-то не в этом. Принцип: в других приютах хуже — всего лишь отговорка, не достойная представителей государства. И раз уж так вышло, что у многих российских детей нет родителей, а есть родина-мать, одна на всех, стоит напомнить этой забывчивой матери, что пора собирать семейный совет. Где дети, матушка? Что с ними, любимая? И кстати, сколько их?..

Автор: Ольга Богуславская © Московский комсомолец ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 4863 09.03.2007, 12:06
👤 232

URL: <https://babr24.com/?ADE=36446> Bytes: 17767 / 17767 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Ольга
Богуславская.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)